

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК: 332.02; 332.05
JEL: O10; P00; P50

Власть утопии¹

Н.Я. Петраков, академик РАН, директор ИПР РАН
(1990-2014 гг.)

Для цитирования

Петраков Н.Я. Власть утопии // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 3. – С. 21-27.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-21-27>

Аннотация

Статья – предисловие к книге Петракова Н.Я. *Русская рулетка: экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней*. В ней отражен столетний отрезок развития нашей страны. Дан объективный диагноз состояния экономики, политики, демографии. Делается вывод, что политические, экономические и социальные эксперименты имели негативные последствия в судьбе России и ее народа. Ставится вопрос о дальнейшем сценарии развития событий.

Ключевые слова: *реформы, политика, демография, социально-экономическая ситуация, эксперименты, Россия*

The Power of Utopia

Nikolay Ya. Petrakov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Director of the MEI RAS
(1990-2014)

For citation

Petrakov N.Ya. The power of utopia // Market economy problems. – 2021. – No. 3. – Pp. 21-27 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-21-27>

Abstract

The article is a preface to the book by Petrakov N.Ya. *Russian Roulette: an economic experiment at the cost of 150 million lives*. It reflects a century-long period of development of our country. An objective diagnosis of the state of the economy, politics, demography is given. It is concluded that political, economic and social experiments had negative consequences in the fate of Russia and its people. The question is raised about the further scenario of the development of events.

Keywords: *reforms, politics, demography, socio-economic situation, experiments, Russia*

---

¹ Петраков, Н.Я. (1998), *Русская рулетка: экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней*, ред. кол.: Д.С. Львов (пред.) и др., ОАО «Изд-во «Экономика», М., 286 с., (Российские академики об экономике), с. I-VII.

Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет..., вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень...и место их займет новое племя грамотных, разумных, бодрых людей.

Максим Горький

Двадцатый век для России – время огромных, бессмысленных жертв, погони за несбыточными мечтами. Непрерывная, бесшабашная игра против здравого смысла, против исторической логики, против объективных законов социально-экономического развития. Страна на целое столетие превратилась в гигантскую лабораторию, менялись только экспериментаторы. Но при всей несхожести по социальному происхождению, жизненному опыту, убеждениям их объединяло одно – полное равнодушие к «человеческому материалу», над которым они позволяли себе ставить опыты. Беспрецедентное легковерие россиян, граничащее с полным политическим инфантилизмом, – национальная черта, приведшая в XX в. страну к катастрофе. Эта черта выталкивала на вершины власти совершенно безответственных фанатиков, зашоренных абстрактными построениями, считающих естественным разрешать свои личные комплексы неполноценности путем широкого социального экспериментирования.

Выдающиеся историки Михаил Геллер и Александр Некрич совместно написали трехтомник по истории Советского Союза с 1917 г. до его исчезновения, т.е. охватили весь период, когда большевики правили страной. Меня восхитила глубина и точность названия этого труда – «Утопия у власти» (Геллер и Некрич, 1995).

Большевики выступили как активные строители идеального мира, имея в своем багаже довольно четкие представления о «язвах капитализма» и совершенно смутную картину этого идеального мира. Отсюда и концепция перехода от старого к новому: все должно быть наоборот, «кто был никем, тот станет всем». Если оказался у власти и не знаешь, как ей распорядиться, то самое простое взять на вооружение тактику разрушения: ликвидация частной собственности, буржуазных свобод, аристократии, предпринимателей, интеллигенции, затем кулачество как класса, еще позже врагов народа, «народов-изменников» и т.д. И все это во имя идеалов победы коммунизма в мировом масштабе².

Впрочем, массовыми народными жертвами во имя идеалов благоденствия этого самого народа не брезговали на Руси не только коммунисты. Николай II сделал все от него зависящее, чтобы ради идеалов самодержавия, православия и народности разрушить динамично развивающуюся страну с огромным экономическим и интеллектуальным потенциалом, способную при условии демократического развития играть позитивную роль в решении геополитических проблем начала века. Никто объективно не сделал столько для победы большевиков, как последний российский император. И только полное отсутствие юмора у марксистов-ленинцев не позволило им поставить памятник в честь заслуг Николая II перед революцией.

Практика последних лет, опыт постсоветской России свидетельствуют о том, что страна не имеет иммунитета не только против «утопического социализма», но и против «утопического капитализма». Отказ от коммунистических идеалов опять потребовал от населения огромных жертв. Почему жертвы должны быть столь значительными, до сих пор не объяснил никто. Ведь если оставаться в рамках здравого смысла, то следует признать, что снятие с экономики прессы коммунистической идеологии привело к огромному высвобождению ресурсов.

Резко сократились военные расходы, затраты на присутствие российских вооруженных сил в Восточной Европе, странах СНГ и других регионах мира; были заморожены амбициозные

---

² «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысле и сущность красного террора» (Лацис, (1919), газета «Красный террор», Ноябрь).

инвестиционные проекты, всегда волновавшие коммунистических лидеров; прекратилась помощь развивающимся странам и странам – политическим сателлитам, кардинально уменьшились государственные дотации сельскому хозяйству, угольной промышленности, сведено к минимуму финансирование космических программ, фундаментальной науки. Куда же делись высвободившиеся средства? Почему они не пошли на смягчение тяжести переходного периода для наиболее экономически уязвимых слоев населения? Да, прежде всего потому, что о создании компенсационных механизмов, социальных амортизаторов никто из молодых экспериментаторов и не думал. Высокие цели заслоняли проблемы смягчения тягот подопытных граждан. Скорее наоборот, они гордились жесткостью (жестокостью) реформ, и не было большего оскорбления, как обвинение в отходе от жесткой линии. Идеалы бездефицитного бюджета сменили идеалы коммунизма.

Так весь двадцатый век Россию захлестывают утопии. И цена утопическим идеям (из которых ни одна не реализовалась в провозглашенном виде) огромна.

Измерение потерь – задача, не имеющая однозначного решения. В этой области существует много методик. Интегральные потери обычно пытаются оценить в денежных единицах. Однако здесь многое зависит от того, какие коэффициенты (цены) устанавливает тот или иной исследователь для каждого вида потерь. А они, как правило, мало или вообще несопоставимы друг с другом – скажем, экологические нарушения, моральный ущерб (социально-психологические деформации), интеллектуальный потенциал отдельных социальных групп в различных социально-экономических ситуациях и т.д.

Кроме того, все реформаторы и их эпигоны в один голос твердят одну и ту же банальность – «история не знает сослагательного наклонения». Опровергать эту истину бессмысленно, пока не будет изобретена машина времени. Здесь уместно напомнить один журналистский штамп. Корреспондент спрашивает широко известного, но, к сожалению, старого человека: «Если бы вам дали второй раз прожить свою жизнь, какой бы вы путь выбрали?» В подавляющем числе случаев старец (старуха) отвечает: «Конечно, я прожил бы и вторую жизнь, как первую». Ответ верен и для мудреца, и для глупца. Мудрец понимает, что прожито то, что прожито, и время для него не имеет обратного движения. Глупец выпячивает грудь колесом и объявляет: все, что он делал в своей жизни, ставшей историей, было единственно правильным.

Так будем же выше этого житейского трюизма. Да, историю общества, страны нельзя повернуть вспять. Но это не значит, что следует игнорировать любые попытки в историческом аспекте рассмотреть альтернативные варианты общественного развития. Такой подход выхолащивает суть научного взгляда на мир, сводит науку к сухой фиксации фактов, к бухгалтерскому учету свершившихся событий. История стран, народов, культуры и искусства, безусловно, фиксирует и изучает уже случившееся. Но то, что стало историей, когда-то было настоящим и будущим. Поэтому специально для снобов не будем называть исследования исторических альтернатив и их последствий «историей», а взамен признаем, что крайне важно анализировать последствия тех или иных «исторических» решений в сопоставлении с альтернативными возможностями реализации других вариантов развития и соответственно наступления других событий. История ничему не учит только исторических детерминистов. Все должны знать цену своей истории. Особенно в России, где каждый исторический поворот имеет авторское клеймо, идеологическое обоснование и демагогический антураж. И каждый сегодняшний политический деятель завтра станет историей. Но он не должен сегодня или спустя некоторое время изображать себя слепым орудием кем-то выдуманного «исторического процесса», а должен отдавать отчет, что является активным его создателем. Личная ответственность за историю сродни личной ответственности за исполнение преступных приказов.

Именно с этих позиций следует рассматривать любые оценки потерь, понесенных Россией в результате политических, социально-экономических, военных потрясений. Аптекарьская точность здесь не только невозможна, но и неуместна. И чтобы не спорить о сопоставимости критериев измерения ущерба в различных сегментах общественной жизни, возьмем только один параметр (наверное, самый существенный с гуманистической точки зрения) – численность населения.

Демографы постоянно уточняют людские потери России. Но счет идет на миллионы и десятки миллионов человеческих жизней, какие методики подсчетов ни применяй. Первая мировая война, гражданская война, белая эмиграция, голод и коллективизация, ГУЛАГ, Великая Отечественная война, вторая и третья волны эмиграции, Афганистан, Чечня, резкое увеличение смертности в связи с социальными и экономическими стрессами последних лет.

По расчетам Б.Ц. Урланиса, в Первой мировой войне Россия потеряла убитыми 1,8 млн. человек. В Гражданскую войну, согласно Ю.А. Полякову, погибло 2,5 млн. Потери Советской Армии во Второй мировой войне оцениваются в 8,6 млн. человек (Урланис, 1960, с. 391-392; Поляков, 1986, с. 104; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах, 1993, с. 130-131). Эти цифры относятся только к потерям военнослужащих в ходе боевых операций. Общие демографические потери, связанные как с войнами, так и с социальными потрясениями, были существенно выше. Причем здесь следует выделять как прямые потери, так и косвенные – из-за снижения рождаемости. Прямые демографические потери СССР во Второй мировой войне оцениваются в настоящее время в 25 млн. человек, т.е. почти в три раза выше, чем непосредственно в боевых действиях (Демографический потенциал России, 1996, с. 15).

Искусственно организованный голод в 1932-1933 гг. унес 9,5 млн. жизней. Это была месть Сталина крестьянству, не желавшему «великого перелома» в деревне.

По сведениям, которые приводит шведский политик Пер Альмарк в книге «Открытая рана» со ссылкой на исследования американского профессора Рудольфа Руммеля, посвятившего всю жизнь сбору данных о массовых репрессиях в СССР с 1917 по 1987 гг. в мирное время было истреблено 62 млн. человек (Известия, 1997). Несколько миллионов спаслись бегством в эмиграции или отказались возвращаться в Россию после немецкого плена (так называемые «перемещенные лица»). Да и начиная с 1990 г., уже при перестройке и реформах из «свободной России» ежегодно стабильно уезжает по 100 тыс. человек (Демографический потенциал России, 1996, с. 128).

О демографических процессах в очередной раз реформируемой России разговор особый.

Ожидаемая продолжительность жизни населения России составляла в 1991 г. 69,02 года, а уже в 1995 г. – 64,61 года. Для мужчин соответствующие цифры составили 63,45 и 58,22 года (Демографический потенциал России, 1996, с. 93). Наибольший «вклад» в столь впечатляюще быстрое падение ожидаемой продолжительности жизни внесли мужчины в возрасте от 30 до 60 лет, причем с 1993 г. на первое место вышли старшие трудоспособные возраста – после 45 лет (Демографический потенциал России, 1996, с. 94-95). Вот он, разящий, беспощадный удар шоковой терапии, вполне в большевистских традициях. По данным Управления статистики населения Госкомстата РФ, только за два года (1993-1994) количество самоубийств увеличилось на 36%. Свыше 80% самоубийств приходится на мужчин. Причем лишь 20% из них уходят из жизни в пенсионном возрасте. А в целом количество самоубийств среди мужчин в России в 3-4 раза больше, чем в Японии и США (Аргументы и факты, 1997, стр. 24). Среди молодежи призывного возраста за последние пять лет увеличилось число наркоманов и токсикоманов более чем в 6 раз, алкоголиков – в 3 раза (Аргументы и факты, 1997).

Так что эксперименты над живым «человеческим материалом» продолжаются, вот только «материала» становится все меньше и меньше.

Проводимые исследования по расчету гипотетической численности населения России в XX в. и сопоставление их с фактическими показателями дают удручающую и трагическую картину. Конечно, различные специалисты приводят разные оценки. Но колеблются они от самой осторожной (принадлежащей А.Г. Вишневному), по которой совокупные демографические потери составляют 121,3 млн. человек к 1995 г. (Демографический потенциал России, 1996, с. 17), до 320 млн. человек. Даже если тяготеть к минимальным оценкам, то на каждого живущего ныне россиянина (а их около 148 млн.) приходится одна тень человека, который был бы нашим сверстником. По моим оценкам, в границах нынешней России к началу XX в. проживало 5,9% населения мира, сейчас – 2,4% жителей планеты.

Такова людоедская цена политическим амбициям деятелей, возглавлявших Россию на протяжении последнего столетия, неоднократно повторявших, что их цель – величие страны, благоденствие ее граждан. Могут возразить, что не всех своих граждан убивали, гноили в

тюрьмах, изгоняли из страны, морили голодом российские власти. Были и нашествия иностранных держав. На это ответчу: существует множество исторических свидетельств, что разумная дипломатия российской правящей элиты могла предотвратить обрушившиеся на страну войны и уж, во всяком случае, обеспечить принципиально лучшую готовность России к военным действиям, лучшую координацию с союзниками.

С молодых ногтей нам объясняли, что политика и нравственность – несовместимые понятия, что политика – грязное дело, что ее нельзя делать в белых перчатках и т.д. Однако безнравственность российских политиков имеет существенные особенности, связанные вообще со спецификой власти на Руси.

Наблюдая политическую жизнь любой страны, можно различить два направления деятельности людей, решивших пойти по политической стезе. С одной стороны, это сфера взаимоотношений со своими конкурентами, а с другой – с избирателями. Нечистоплотные приемы в борьбе с соперниками хорошо известны во всем мире из политической истории и литературы: это заведомое искажение программы конкурента, сбор и выброс компромата, в том числе касающегося его частной жизни, засылка осведомителей в предвыборные штабы противника или их подкуп, прослушивание телефонных разговоров и прочее и прочее. Строго говоря, эта возня весьма мало волнует население и составляет внутренний закулисный мир политических интриганов. Что касается политической безнравственности по отношению к избирателям, то она проявляется главным образом в безудержной политической демагогии, особенно в периоды предвыборных кампаний. Поток обещаний обрушивается на граждан страны. Многие из них несбыточны, о чем хорошо знает претендент на выборный пост. Но обещания эти обязательно должны выглядеть правдоподобными, а методы их реализации находиться исключительно в рамках правового поля. Большинство потенциальных избирателей привыкли к этим играм, делают соответствующую корректировку политических заявлений и по большей части скептически относятся к предвыборному ажиотажу.

В целом нечистоплотность политической жизни в странах с развитой демократией не несет в себе какого-либо взрывоопасного для общественного развития заряда. И главная причина этому, конечно, – структура власти, строгое ограничение властных полномочий любого избираемого лица, любого чиновника. Однако думаю, что здесь есть и другое. Это воспитание определенных нравственных начал у людей, решивших идти в политику, во властные структуры, возглавить крупные социальные группировки, а если повезет, то и страну. Интересы народа, интересы страны для них превыше всего, интересы именно конкретного народа, который состоит из конкретных граждан. Поэтому надо вызволять каждого гражданина страны, попавшего в беду, в плен; поэтому надо сделать все, чтобы минимизировать людские потери при военных конфликтах, стихийных бедствиях.

Своеобразная этика политики сродни спортивной этике. Например, настоящий спортсмен-футболист может ударить противника по ногам, симулировать травму, забить гол рукой и сказать, что «это рука Бога» (Марадона), но он никогда не позволит себе играть вполсилы за любимый клуб, за национальную сборную страны. Здесь он сделает все для победы.

Президент США Никсон мог дать добро на прослушивание телефонных разговоров своих конкурентов по предвыборной кампании (Уотергейтское дело), но он никогда не позволил бы задерживать зарплату офицерам американской армии. Вот здесь как раз водораздел между мерой безнравственности западного и российского политика.

Тип российского политика предполагает равнодушие к народу, взгляд на граждан как на подчиненных. В России политик, пришедший к власти, видит себя в качестве первого чиновника – этакий столоничальник земли русской. И сразу начинает заниматься реорганизацией «вверенного ему учреждения». Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Для власть имущих в России народ превращается в абстрактную массу. Дистанцироваться от нее как можно быстрее – интуитивная потребность наших политиков. Желательно порвать даже личные контакты со средой, из которой он всплыл на поверхность политической жизни – таково неременное условие «развязанности рук». Нормальное состояние российских политиков – это когда они могут с чувством глубокого удовлетворения

пр процитировать строку из Осипа Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны». В таком политическом мире ответственность зачастую трактуется как слабость, а реформаторский авантюризм возводится в доблесть.

Вот, в сущности, почему двадцатый реформаторский век в России стал таким человеколюбивым.

Важной особенностью социальных и политических экспериментов в России явилось то, что они имели в своей основе экономический стержень. Дважды российские реформаторы покушались на экономические основы жизни общества, на святая святых организации всей хозяйственной жизни – собственность.

Сначала полному разрушению подвергся институт частной собственности. Тотальное обобществление средств производства буквально перевернуло правовую основу государства, идеологию, социальную и индивидуальную систему ценностей. С точки зрения поставленных целей коммунистическими реформаторами была одержана блестящая и сокрушительная для общества победа. Другое дело, что в основе этих целей лежали утопические экономические идеи.

Спустя 75 лет общественная собственность подверглась не менее тотальной атаке. Теперь уже приватизировать предполагается все, включая уникальные месторождения, морские порты, аэропорты, магистральные трубопроводы, железные дороги, общенациональные информационные системы. Второй за сто лет экономический переворот вновь потряс политическую систему страны, изменил социальный статус десятков миллионов людей, нанес мощный удар по производственному потенциалу.

Оба экономических переворота отнюдь не осчастливили население. Не потому, что их творцы этого не хотели, а потому, что творцы эти проявили полное незнание сущности экономических взаимодействий внутри общественных систем, имели весьма поверхностное представление о внутренних (и ни при каких условиях неотменимых) силах, организующих экономические процессы и обеспечивающих их эффективность.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ³...

... Перед новыми руководителями страны стоят практически те же задачи, что и десять лет назад (имеется ввиду 2000 год – теперь уже двадцать один год). В области экономики не реализована ни одна из задумок. Не создан эффективный собственник, нет среднего класса.

... Рубль по-прежнему не внушает доверия ... Привлекательный инвестиционный климат так и не создан. Свободная конкуренция осталась лозунгом. Этот скорбный список может быть продолжен. Но и так ясно, что основные цели реформ не были достигнуты. И теперь на полуразрушенном фундаменте ветхого производственного потенциала надо что-то предпринимать. Здесь возможны два концептуальных подхода.

Первый – спокойно и, главное, объективно проанализировать ошибки, не позволившие решить поставленных задач, скорректировать экономическую политику и методы реформирования и без паники двигаться к возрождению российской экономики.

Второй заключается в том, что единственной ошибкой реформ ельцинского правления считается непоследовательность и нерешительность в проведении в жизнь рекомендаций реформаторов (в области либерализации цен, разрушения и приватизации естественных монополий, отмены льгот и дотаций в сфере коммунальных услуг и т.д.).

Поэтому следует ужесточить до предела прежний курс и не отклоняться от него ни на шаг. Первый подход выглядит более логичным по здравому смыслу. Но второй, судя по подбору экономических советников нового президента, более вероятным по исполнению. Каким же будет истинный сценарий развития событий – покажет время.

---

³ Петраков, Н.Я. (2000), *Экономическая «Санта-Барбара». Дневник экономиста-рыночника*, ЗАО «Издательство «Экономика», М., 231 с., с. 226.

Литература / References

1. *Аргументы и факты*, (1997), № 889, октябрь, М. [*Arguments and Facts*, (1997), no. 889, October, M.].
2. Геллер, М и Некрич, А. (1995), *Утопия у власти*, МИК, М. [Geller, M and Nekrich, A. (1995), *Utopia in power*, МСК, М.].
3. *Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах*, (1993), М. [*The secrecy stamp has been removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts*, (1993), M.].
4. “Демографический потенциал России”, (1996), *Аналитические обзоры Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия «Социология»*, № 5-6, М. [“Demographic potential of Russia”, (1996), *Analytical Reviews of the Center for Integrated Social Research and Marketing. Series «Sociology»*, no. 5-6, M.].
5. *Известия*, (1997), 30 окт. [*Izvestia*, (1997), 30 Oct.].
6. Петраков, Н.Я. (1998), *Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней*, «Экономика», М. [Petraikov, N.Ya. (1998), *Russian Roulette. Economic experiment at the cost of 150 million lives*, «Economics», M.].
7. Петраков, Н.Я. (2012), *Избранные работы в 2-х томах*, СПб.: Нестор-История, М., 328 с. [Petraikov, N.Ya. (2012), *Selected works in 2 volumes*, St. Petersburg: Nestor-History, M., 328 p.].
8. Петраков, Н.Я. (2000), *Экономическая «Санта-Барбара». Дневник экономиста-рыночника*, ЗАО «Издательство «Экономика», М., 231 с. [Petraikov, N.Ya. (2000), *Economic «Santa Barbara». Diary of a market economist*, CJSC Publishing House «Economics», Moscow, 231 p.].
9. Поляков, Ю.А. (1986), *Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население*, М. [Polyakov, Yu.A. (1986), *The Soviet country after the end of the Civil War: territory and population*, M.].
10. Урланис, Б.Ц. (1960), *Войны и народонаселение Европы*, М. [Urlanis, B.C. (1960), *Wars and the population of Europe*, M.].

Об авторе

Петраков Николай Яковлевич, академик, доктор экономических наук, профессор, директор (1990-2014 гг.), Институт проблем рынка РАН, Москва.

About author

Nikolay Ya. Petraikov, Academician, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Director (1990-2014), Market Economy Institute of RAS, Moscow.